

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-166-189

К истории ленинградской культуры 1930-х годов: поэтические посвящения Лидии Аверьяновой

А. Б. Устинов¹, И. И. Галеев²

¹ *Книгоиздательство «Аквилон»
Сан-Франциско, США*

² *Галеев-Галерея
Москва, Россия*

Аннотация

Представляемые в статье стихотворения Лидии Аверьяновой объединяет имя адресата ее поэтических посвящений – художественного критика и историка искусства Всеволода Петрова, автора «воспоминаний и размышлений» о заметных участниках ленинградской культуры 1930-х гг. Некоторые из них вошли в собрание ее стихотворений, другие отложились в архиве Петрова – эти автографы воспроизводятся здесь по собранию «Галеев-Галереи» (Москва). Начавшееся в 1931 г. ее увлечение Петровым с течением времени переросло в доверительные дружеские отношения, подтверждением которых служат сохраненные им письма Аверьяновой и его собственные поэтические опыты, созданные в ответ на ее посвящения. В приложении также приводятся стихотворения Аверьяновой, не имеющие конкретного романтического прототипа, но написанные в годы ее увлечения Петровым.

Ключевые слова

Л. Аверьянова, Вс. Петров, ленинградская культура, литературный быт, поэтические посвящения

Для цитирования

Устинов А. Б., Галеев И. И. К истории ленинградской культуры 1930-х годов: поэтические посвящения Лидии Аверьяновой // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 166–189. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-166-189

Towards the Cultural History of Leningrad in the 1930s: Lydia Averianova's Poetic Dedications

A. B. Ustinov¹, I. I. Galeev²

¹ *“Aquilon” Books & Publishing
San Francisco, USA*

² *Galeev-Gallery
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This publication presents poems by Lydia Averianova dedicated to Vsevolod Petrov, art critic, art historian and the author of “memoirs and reflections” about notable participants of the Leningrad culture in the 1930s. Some of these poems were included in Averianova's “Col-

© А. Б. Устинов, И. И. Галеев, 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

lected Verse,” others were saved by Petrov. Currently these autographs are preserved in the collection of Galeev-Gallery (Moscow). The publication includes Petrov’s poems written in response to Averianova’s dedications, as well as her other poems, which do not have a specific romantic prototype, but were created during the years of her infatuation with Petrov.

Keywords

Lydia Averianova, Vsevolod Petrov, cultural history, literary life, poetic dedications

For citation

Ustinov A. B., Galeev I. I. Towards the Cultural History of Leningrad in the 1930s: Lydia Averianova’s Poetic Dedications. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 166–189. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-166-189

...tibi namque tu solebas
meas esse aliquid putare nugas

*Catullus*¹

It was a bright cold day in April,
and the clocks were striking thirteen.

George Orwell

В культурном пейзаже довоенного Ленинграда поэзия Лидии Аверьяновой (1905–1942) достойно заполнила ту часть литературного пространства, которая была изначально отведена Анне Ахматовой, не будь ее более чем пятнадцатилетнего молчания. «Ваши стихи красивы и сильны, – замечал в письме к Аверьяновой 15 июня 1924 г. критик и редактор Далмат Лутохин, – хотя у них два недостатка: они слишком “Ахматовские” по форме и слишком заражены модным пафосом современных питерских обывателей. Простите столь резкую характеристику. Но поэт имеет право на внимание к себе, когда его душа поет *по-своему*. <...> Не сомневаюсь, что если Вы не бросите поэзии, но и не будете вдали от жизни, из Вас выйдет *звезда*» [Павлова, 2011, с. 248].

Появление Аверьяновой на литературной сцене, обозначенное, например, ее участием в сборнике Ленинградского отделения Союза поэтов «Собрание стихотворений» (Ленинград, 1926), совпало с началом продолжительного «writer’s block» Ахматовой, вызванного не столько неблагоприятными внешними условиями, на которые она ссылалась ретроспективно, а неурядицами в личной жизни и непредсказуемыми бытовыми условиями – комбинацией факторов, явно не оставляющих места для творчества². Внутри ленинградской культуры 1930-х гг. имя Аверьяновой оказывалось воплощением «женской поэзии», неизменно возводимой к Ахматовой³, и соответственно трактовалось современниками, наперекор

¹ «...для тебя: ты неизменно / Почитал кое-чем мои безделки» (пер. С. Шервинского).

² Лично с Ахматовой Аверьянова познакомилась весной 1927 г. «Очень хорошо, что ты побывала у Ахматовой, – писал ей 21 марта Владимир Смирнский. – Это большой и хороший человек...» (РО ПД. Ф. 355. Ед. хр. 54. Л. 47 об.). Об их взаимоотношениях см.: *Тименчик Р.* Тынянов в стихах современницы // Пятые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения / Ред. Е. Тоддес. Рига: Зинатне, 1990. С. 248.

³ См. отзыв Г. Адамовича в письме к И. Одоевцевой (12 августа 1962 г.): «Лисицкая, Вас заинтриговавшая, – сплошное, по-моему, подражание Ахматовой» (Письма Георгия

общественной ситуации, в русле продолжения и развития «петербургских» литературных традиций.

В таком же ключе ее творчество было воспринято и читателями более позднего времени. Препровождая 1 декабря 1951 г. подготовленную им книгу Аверьяновой в нью-йоркское Издательство имени Чехова, Глеб Струве обращал внимание именно на эту сторону ее литературной работы, тем более заметную на фоне предвоенной советской поэзии: «При сем рукопись стихов “А. Лисицкой”. Стихи не все одинаково хороши, но, несмотря на чувствуемые кое-где (вполне естественные) влияния (особенно Мандельштама, местами Ахматовой и Гумилева, вообще акмеистов <...>), они своеобразны и цельны. Я считаю, что печатать надо всю книгу, как этого хотел автор. Расположение стихов – авторское, за исключением нескольких в конце “Стихов о Петербурге”, присланных дополнительно позже – их автор хотел поместить именно в конце»⁴.

Невозможно также не учитывать тот факт, что стихотворения Аверьяновой относились к категории неангажированной, неофициальной, неподцензурной поэзии – свои книги она умышленно составляла как рукописные. При этом в контексте «Советской потаенной музыки», как назвал Борис Филиппов антологию стихов ее современников, «написанных не для печати» (Мюнхен, 1961), творчество Аверьяновой осталось незамеченным прежде всего потому, что она последовательно держалась в стороне от прямолинейной политической тематики. В ее поэзии доминирует лирическая составляющая, тем более конкретная, что три авторских сборника Аверьяновой – «Опрокинутый Шеврон», «Стихи о Петербурге» и «Пряничный Солдат» – вызваны к жизни исключительно личными отношениями, на которые указывает обилие обращений непосредственно к объектам ее увлечений.

Представляемые здесь стихотворения Аверьяновой объединяет имя адресата таких поэтических посвящений – художественного критика и историка искусства Всеволода Петрова (1912–1978), автора «воспоминаний и размышлений» о заметных участниках ленинградской культуры 1930-х гг. – теперь они изданы вместе с повестью, или «трагической пасторалью»⁵, как определил ее жанр сам автор, «Турдейская Манон Леско» (1946) [Петров, 2016]. Некоторые из этих стихотворе-

Адамовича Ирине Одоевцевой. Публ. Ф. Черкасовой // *Диаспора: Новые материалы*. Париж; Санкт-Петербург: Athenaeum – Феникс, 2003. Вып. 5. С. 594.

⁴ Hoover Institution Archives (Stanford, CA). Gleb Struve Papers. Box 26. Folder 9. «Рукопись А. Лисицкой получила, – отвечала ему 14 декабря В. Александрова, главный редактор издательства, – успела прочесть и обсудить с Н. Р. Вреденом вопрос об издании ее. Мы оба пришли к заключению, что, поскольку план наших изданий на 1952 год уже составлен и в нем имеются уже две антологии (классической и современной поэзии), будет трудно включить ее стихи в этот план. Но это не значит, что к этому вопросу нельзя будет вернуться в следующем году». Несмотря на настойчивость Г. Струве, выходу книги Аверьяновой помешали издательские обстоятельства. «Мне искренно жаль, что наш отказ включить книгу А. Лисицкой в план наших изданий 1952 года Вас так огорчил, – извинялась в письме 26 декабря Александрова. – Но Вы должны понять и нас: кроме двух антологий, мы в 1952 году издадим однотомник Ахматовой, Неизданного Гумилева и однотомник Тютчева. <...> Мы охотно вернемся к вопросу об издании той книги в 1953 году, если Вам до тех пор не удастся выпустить ее в другом Издательстве. Согласно Вашему желанию мы при сем возвращаем Вам машинопись А. Лисицкой» (Ibid.).

⁵ Ср. оговорку М. Маликовой: [«Философские рассказы»..., 2016, с. 750].

ний вошли в собрание ее сочинений [Аверьянова, 2011], другие отложились в архиве Петрова и печатаются здесь по собранию «Галеев-Галереи».

Свое знакомство с Петровым Аверьянова относила к апрелю 1931 г., ко «дням ледохода» на Неве. Этим годом помечен обращенный к нему «Сонет-Акростих», открывающий ее последний сборник «Пряничный Солдат» (1937), в котором она также намекает на возраст Петрова в пору их знакомства:

Придет ли, наконец, великий ледоход?
Его мы оба ждем, по-разному, быть может...
Ты – переждешь легко. Тебе – двадцатый год...

Косвенным подтверждением времени их весенней встречи может служить концовка стихотворения «Я двойную забыла гибель...» (1933):

Обернется закатом желтым
Новый день Твой – и всё пройдет,
Как и тот, с которым пришел Ты –
Первый, чистый апрельский лед.

А также зачин другого посвящения Петрову, написанного три дня спустя:

С ледохода мы неразрывны,
Словно лебеди между льдин, –
Тонкий мальчик мой, пленник дивный –
Взрослой женщины властелин.

Противопоставление «тонкого мальчика» и «взрослой женщины» в этом четверостишии – явная поэтическая гипербола, необходимая для оправдания непредсказуемости увлечения Аверьяновой. В те годы она была замужем за переводчиком Андреем Корсуном (1907–1963), близким другом Петрова, который собирался посвятить Корсуну целую главу в своих «Фантастических записках»⁶. 13 апреля 1943 г. Петров записал в дневнике:

Портрет Андрея Корсуна подвигается очень плохо. Выходит холодно и слишком эстетично. Я сам понимаю ошибку: я боюсь говорить о нем правду, чтобы не подумали, что я ему завидую или хочу возвыситься над ним.

Тут нужно – ввиду следующих портретов – раз навсегда установить: я никому не завидую и обо всем пишу сверху вниз. Это очень трудная поза, но я ведь пишу исключительнейше о себе и поэтому могу не трудиться хвалить или порицать других. Традиция литературной скромности должна быть отброшена.

Это понимают и говорят многие, но никто еще не сделал. Попробую сделать я – вроде того, как Введенский сделал с заумной поэзией [Петров, 2017, с. 234]⁷.

⁶ См. его запись в дневнике 28 мая 1943 г.: «Урывками, среди своих канцелярских занятий, пишу “Фантастические записки”, и на днях надеюсь кончить “Портрет Андрея Корсуна”. Следующая глава будет называться “Музей и первые встречи с левым искусством”» [Петров, 2017, с. 236].

⁷ Ср. наблюдение К. Львова: «Воспоминания Петров уничтожит. Особенно жаль мемуаров об Андрее Корсуне, с которым они были близки несколько лет. <...> Его биография, возможно, является примером воздействия литературы на жизнь. А. Н. Егунов (Андрей Николев) написал роман “По ту сторону Тулы” в 1929–1930 гг., опубликовал в 1931 г. Главный герой романа Сергей Сергеевич на пару лет постарше Корсуна, пытается стать писателем, работает техническим сотрудником (“пишбарышной”) в “конторе Петергоф-

В другой дневниковой записи 3 мая 1945 г. Петров давал оценку своих отношений с Корсуном:

Плутая по лесу, я разговаривал мысленно с неизвестным собеседником. Нет у меня друга. Настоящая мужская дружба, какая и у меня в моей жизни бывала, похожа на любовь, то есть она проходит те же фазы постепенного сближения, последней близости и потом охлаждения, и выражается, в сущности, так же, как любовь, – в чувстве томления без друга и в желании видеть его <...>. У меня были две таких дружки. Одна, юношеская, с Корсуном, прошла все фазы и кончилась охлаждением, почти враждебностью; вторая, с Хармсом, оборвалась на самой высокой точке [Петров, 2017, с. 270]⁸.

Оба они входили в близкое окружение Михаила Кузмина, с которым познакомились, видимо, одновременно. Петров вспоминал «через тридцать с лишком лет»:

В начале тридцатых годов Кузмин был, мало сказать, очень известен – он был знаменит. Полоса непризнания и забвения, позднее так надолго скрывшая его поэзию, тогда еще не наступила. Она лишь приближалась. Литературные и околотературные юноши моего поколения отлично знали книги Кузмина. Для меня он был одним из любимых поэтов. Потому я так обрадовался возможности познакомиться с ним, а войдя в дом Михаила Алексеевича, я испытал такое чувство, будто знаю его уже очень давно <...>. Кузмин был похож на свои книги. Живое общение с поэтом создавало тот же образ, который возникал и при чтении его стихов. Я думаю, что это – одно из свидетельств цельности его природы и органичности дарования. Он выразил себя в искусстве с несравненной простотой, непосредственностью и естественностью [Петров, 2016, с. 131–132]⁹.

ских дворцов-музеев”, получил “необычайно тонкое” образование: специалист по древнеисландской литературе. Андрей Корсун во второй половине двадцатых учился на Высших курсах искусствоведения Зубовского института. Дальше он начинает жить “по плану” литературного персонажа: в 1931–1934 гг. работает библиотекарем в Русском музее, в 1937–1941 гг. – библиотекарем в Эрмитаже» [Петров, 2017, с. 359]. «Егунов был, пожалуй, единственным человеком и едва ли не единственным поэтом, – вспоминал Петров, – в котором я замечал что-то общее с Кузминым. Эти неуловимые черты сходства проявлялись не только в стихах Егунова или в его блистательной прозе, лирической и насмешливой, но и в самом стиле мышления, даже в манере говорить и держаться. Он и за столом сидел как-то похоже на Кузмина, так же уютно и с такой же естественной и непринужденной грацией. Впрочем, ни в его манерах, ни в его творчестве не было ничего подражательного» [Петров, 2016, с. 151–152]. Обратим внимание на фамилию героя «философского рассказа» Петрова «Красавица» – «Игунов» [Петров, 2017, с. 111–114].

⁸ Ср. в более ранней, но сделанной уже после смерти Хармса, дневниковой записи 14 декабря 1942 г.: «Мои воспоминания ведь никогда не бывают о том, как я жил один, как бы ни было благородно это мое одиночество, какими бы мыслями и чувствами оно ни украшалось. Я вспоминаю о себе, отраженном в Кате, в Хармсе, в Ирине, в Кузмине, в Сергее Васильевиче Любимове – в людях, с которыми я был связан любовью и дружбой (т. е. тоже любовью). Вот когда я понял, что жизнь есть любовь» [Петров, 2017, с. 206].

⁹ Ср. авторское примечание Петрова к стихотворению «Конец зимы» («Тревожа римские холмы...»): «Заглавие этого стихотворения придумал Кузмин» [Петров, 2017, с. 341–342].

В свою очередь, Кузмин сослался на Петрова в дневниковой записи 11 сентября 1934 г.¹⁰, в которой отдавал должное человеческому обаянию Корсуна:

Идолоподобие. Корсун замечательно красивый человек. Действительно, как говорит Петров, «один из самых красивых людей Ленинграда», и милый, и хороший, и вместе с тем как-то не знаешь, что с ним делать. Он совсем не для романа, который сопряжен с капризами, жестокостями, дурью, подлостями, жертвами, радостями, трагедиями и примирениями, причем один, а то и оба, должны быть непреодолимым дрянью и предателем, что-то от лорда Дугласа, и от Manon Lescaut. Лев Льв<ович Раков> думает, что я исключительно таких и люблю, и Жид тоже, где лучший герой «Фальшивомонетчиков» чемодан упер. Понятно, что такое время-препровождение не для Корсуна. Его можно воспевать и обожать. Он идолоподобен, как кумир, или, вернее, как пьедестал, на который наклеивают любовные оды. Есть еще третье любовное товарищество, содружество, созвучие, сотворчество. Но это уже какая-то эпопея, вроде «Тристана», а не роман. В последнем всегда есть какая-то дребедень: или Палладизмы, или гумилевизмы. А впрочем, всё это вздор, есть и четвертое, и пятое, и сорок пятое, а про Корсуна верно [Кузмин, 2007, с. 101]¹¹.

Еще раньше, в мае 1934 г., в мини-новелле о «круге знакомых, из которых меня потихоньку выперли», рядом с Петровым Кузмин назвал «Лид<ию> Ив<ановну> Аверьянову» [Там же, с. 33]¹². Ее увлечение коллегой мужа – как раз в 1931 г. Петров стал сотрудником Отдела рукописей Русского музея – отчасти повторяло траекторию романа с Корсуном, который она сумела воплотить в своей поэзии с еще большей интенсивностью.

Как поясняет ее биограф, в течение нескольких месяцев «Аверьянова пишет обращенный к Корсуну лирический цикл-послание (21 стихотворение), составивший третью книгу стихов “Опрокинутый Шеврон” (1929) <...>. Первое стихотворение цикла датировано 27 октября 1928 г., последнее – 4 февраля 1929-го, несколько посланий оформлены как акростихи (свидетельство виртуозной техники автора), большинство имеют посвящения: *Андрею, Андрею Корсуну, А. К., А. И. К.*» [Павлова, 2011, с. 258]. Но делает ниже существенную обмолвку: «Их союз был прочным, хотя не раз подвергался испытаниям. Импульсивная “мягущаяся поэтесса”¹³ была подвержена романтическим увлечениям...» [Там же, с. 259].

Несмотря на первоначально сильное проявление чувств к Петрову, их роман оказался непродолжительным – довольно скоро Аверьянова переключила свое

¹⁰ Свод дневниковых записей Кузмина 1934 г. был известен Петрову. «Читал “Дневник” Кузмина; очень сильная вещь, – записал он 17 февраля 1946 г., – в отдельных местах, может быть, гениальная, при всём эстетизме и даже кое-где безвкусице, при небрежности стиля» [Петров, 2017, с. 288].

¹¹ В. Глинка вспоминал, что Корсун из Кисловодска «уехал в Ленинград, учился в Институте истории искусств, затем работал в библиотек<ах> Русского музея и Эрмитажа, переводил французских поэтов. Был не очень удачно женат на поэтессе Лидии Аверьяновой, наконец, одиноко жил в довольно большой комнате, предоставленной ему в эрмитажном доме» [Хранитель..., 2006, с. 45].

¹² Об отношениях Аверьяновой и Кузмина см. в комментариях Г. Морева [Кузмин, 2007, с. 201].

¹³ Выражение М. Глинки из его комментария к воспоминаниям В. Глинки «Блокада» [Хранитель..., 2006, с. 136].

внимание на Льва Ракова (1908–1970)¹⁴, к которому обращено значительное количество стихотворений середины 1930-х гг.¹⁵ С течением времени ее краткое увлечение Петровым переросло в доверительные дружеские отношения, подтверждением которых служат сохраненные им письма Аверьяновой и его собственные поэтические опыты, созданные в ответ на ее посвящения. Для первого из них он выбрал эпиграфом начальные строки стихотворения Николая Гумилёва «О тебе» из сборника «Костер» (СПб., 1918):

Л. А.

*О тебе, о тебе, о тебе...
(Н. Гумилев)*

Я устал это имя твердить,
Повторять и во сне, и днем,
И неслышным шагом бродить
Обходя твой высокий дом.

И земная прозрачная соль
Мне теперь трудна и горька,
И поет бессмертная боль
Словно флейта из тростника.

Пролетят сквозь туман и снег,
Петербург, и любовь, и бред,
И в последней из черных рек
Обретут смертельный ответ.

В серебре серафимских труб
Наплывает на нас забытье,
Но последним дрожаньем губ
Повторится имя твое.

*1–2 дек<абря> 1932 г.
[Петров, 2017, с. 327].*

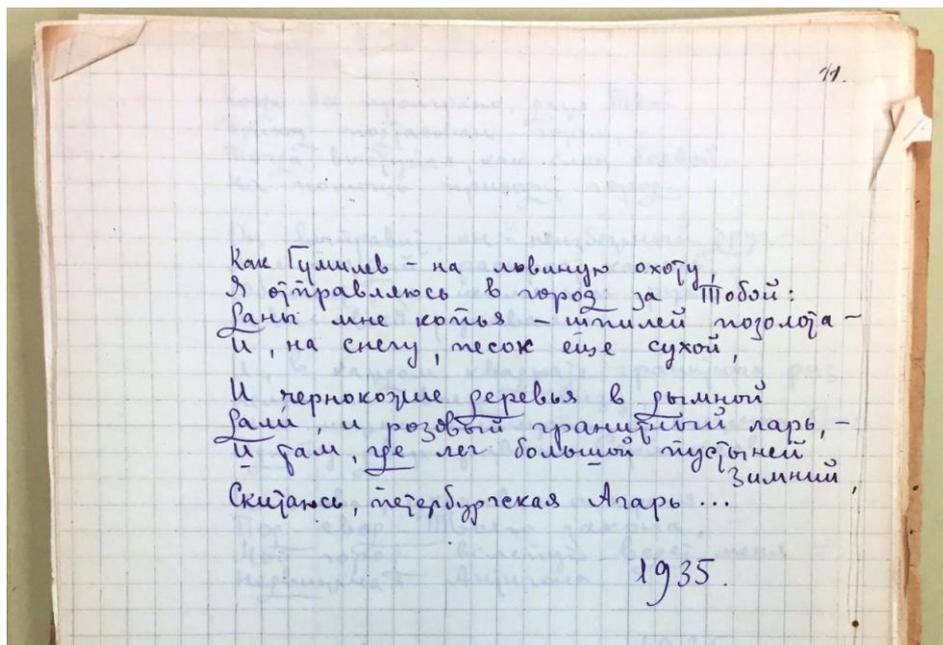
Эпиграф из Гумилёва кажется достаточным поводом для того, чтобы поставить под сомнение однозначность адресата одного из наиболее известных стихотворений Аверьяновой:

Как Гумилев – на львиную охоту,
Я отправляюсь в город за Тобой:

¹⁴ По определению Петрова, «историк, сотрудник Эрмитажа, позже ставший оригинальнейшим писателем. Я тогда еще не знал замечательной прозы Ракова, которая никогда не печаталась, и мог восхищаться лишь его блистательным остроумием и дарованием рассказчика» [Петров, 2016, с. 160]. Далее он вспоминал А. Степанова, своего коллегу по Русскому музею: «Оба – и Л. Л. Раков и А. А. Степанов – были очень красивыми, элегантными и светскими молодыми людьми. Вместе с ними в дом Кузмина проникали отголоски светской жизни, которая еще теплилась в начале тридцатых годов, пока люди не стали бояться друг друга и избегать общения, как это вскоре случилось. Михаил Алексеевич сам был светским человеком, и светские темы его интересовали» [Там же, с. 161].

¹⁵ См.: [Павлова, 2011, с. 278–279].

Даны мне копыя – шпилей позолота¹⁶ –
И, на снегу, песок еще сухой,
И чернокожие деревья в дымной
Дали, и розовый гранитный ларь, –
И там, где лег большой пустыней Зимний,
Скитаюсь, петербургская Агарь...
1935¹⁷

«Как Гумилев – на львиную охоту...». Автограф
Lydia Averianova. “Like Gumilyov to hunt the lions...”. Autograph

Даже несмотря на то, что уже в первой строке (причем дважды) *ex ungue leonem* узнается Раков: «Как Гумилев – на львиную охоту <курсив наш. – А. У., И. Г.>»¹⁸, –

¹⁶ Ср. в стихотворении «Кунсткамера» (1935) из сборника Аверьяновой «Серебряная Рака. Стихи о Петербурге» (1937): «И, бульжное пастбище, плавно раскинулся город, / Где недвижим, на шпиле, летящий Пастух золотой» [Аверьянова, 2011, с. 120].

¹⁷ Hoover Institution Archives (Stanford, CA). Gleb Struve Papers. Box 75. Folder 3. Входило в подготовленную Г. Струве публикацию «А. ЛИСИЦКАЯ. ИЗ КНИГИ “СЕРЕБРЯНАЯ РАКА”. Стихи о Петербурге» (Hoover Institution Archives (Stanford, CA). Gleb Struve Papers. Box 75. Folder 5). Ср.: Лисицкая А. Стихи о Петербурге / С предисл. Г. Струве // Мосты. Литературно-художественный и общественно-политический альманах (München). 1962. Т. 9. S. 131; Аверьянова Л. Стихи о Петербурге / Публ. Р. Тименчика // Звезда. 1995. № 2. С. 127; [Аверьянова, 2011, с. 86]. См. комментарий М. Павловой [Там же, с. 341–342].

вряд ли можно совершенно исключить из прототипов лирического персонажа стихотворения и Петрова, испытывавшего искренний интерес к Гумилёву как к литературной величине, тем более что в концовке сатирического сонета Аверьяновой «Свиносхоз», который вошел в сборник «Пряничный солдат» и следовал сразу же за обращенным к Петрову акростихом:

Там боров Митька – что, вам правды мало? –
Отлично нёс бы к Риму Ганнибала.
А если лгу я – значит, я – свинья
[Аверьянова, 2011, с. 146], –

присутствует, как установил Роман Тименчик, прямая цитата из стихотворения Гумилёва «Слоненок» (1920): «Как тот, Великолепный, что когда-то / Нес к трепетному Риму Ганнибала»¹⁹. Варианты этого сонета были посланы и Петрову, и Ракову [Аверьянова, 2011, с. 382].

Нельзя со всей уверенностью утверждать, что лирические обращения Аверьяновой к Петрову исчерпываются предложенным здесь сводом ее поэтических посвящений. Иногда такая «предопределенность» прототипа в ее стихотворениях нарушается, и тогда непреложный в них объект ее влюбленности становится неопределенным *Ты*, обобщенным «лирическим героем», причем, как замечает М. Павлова, «герой» таких стихотворений – «величина переменная» [Павлова, 2011, с. 280]²⁰. М. Глинка предупреждал в комментариях к воспоминаниям Владислава Глинки (1903–1983), знавшего Аверьянову и ее круг:

¹⁸ По замечанию М. Павловой, «перифрастически: на поиски Льва Ракова» [Аверьянова, 2011, с. 341]. В «Романе в стихах» Раков описывал свои чувства, вызванные находкой этого стихотворения: «Опять тягостное ощущение, будто нахожусь под наблюдением, хотя бы и самым доброжелательным. А неизвестный поэт открыто признавался в “охоте” за мной» [Там же, с. 210].

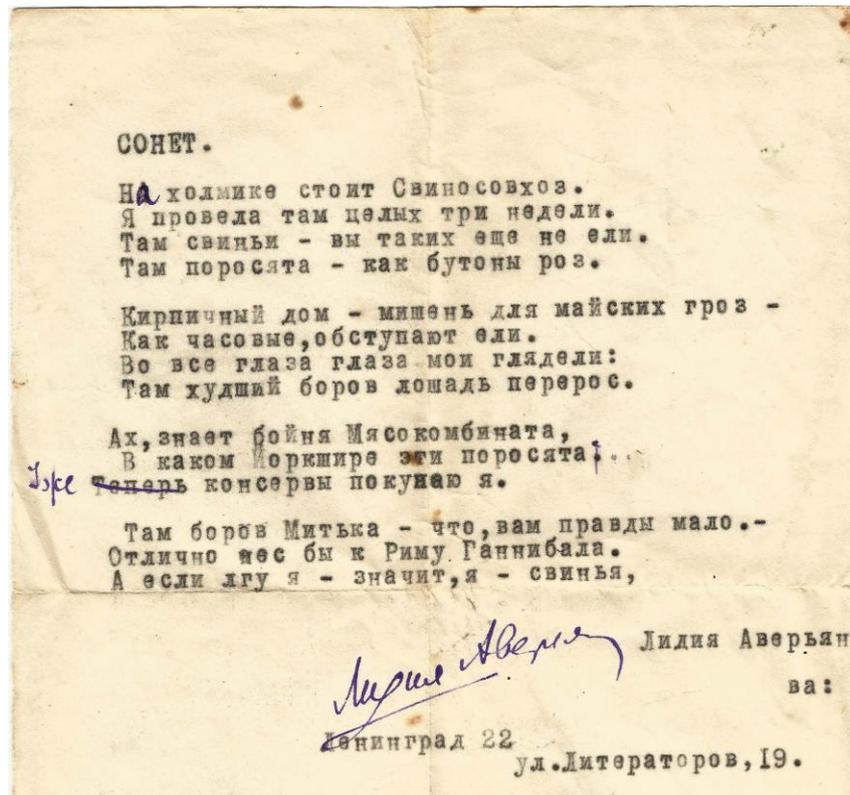
¹⁹ Ср.: [Аверьянова, 2011, с. 382]. 25 июля 1934 г. Аверьянова писала А. Корсуну – от лица «Лиса», ее эпистолярного alter ego, и поэтому в мужском роде: «Я был <sic!> с одним желтопузым в совхозе, и мне показали поросычью резиденцию, где очень много поросят, которые все – ужасные свиньи, т. к. между собой дерутся отчаянно. Но очень смисно <т. е. “смешно”. – А. У., И. Г.>. 2 подрастающих поросенка бодались пяточками, потом отскакивали, наклоняли головы и смотрели друг на друга, размахивая фостиками <т. е. “хвостиками”. – А. У., И. Г.>, как маленькие бычки. Замечательно» [Там же, с. 382–383].

²⁰ Как, например, в стихотворении без посвящения «На берега Твоей Невы...» (1933), но, как можно представить по «львиным» строкам, скорее всего, обращенного к Ракову:

На берега Твоей Невы
Ложится снег, сухой и белый,
И дрогнут каменные львы,
Слегка распластывая тело.

И сердце, в легкую игру
Входя, как пар летит на иней,
Как львиный камень на ветру
Оно, распластанное, стынет
[Аверьянова, 2011, с. 110–111].

Однако как человеку, которому выпало счастье хорошо помнить и блестящего эрудита Льва Львовича <Ракова>, и благороднейшего генеалога и знатока геральдики Андрея Ивановича <Корсуна>, меня не покидает ощущение, что цитированные стихи могли быть одновременно и глубоко личными, и в то же время (как это случается у первоклассных поэтов) универсальными. И новое, возгоравшееся чувство поэтессы могло тесно переплетаться с уходящим... Как не предположить одновременности их действия? Даже если влияния их представлялись ей в ту пору полярными [Хранитель..., 2006, с. 137–138] ²¹.

Машинопись сонета «Свиносовхоз» из архива Вс. Петрова
Lydia Averianova. “Svinosovkhoz”. Typescript from the archives of Vsevolod Petrov

²¹ Ср. в другом ее стихотворении «Ты Август мой! Тебя дала мне осень...» (1935), тоже без посвящения, но анонимно посланного Ракову:

Ручным ли зверем станет это имя
Для губ моих, забывших все слова?
Слепой Овидий – я пою о Риме,
Моя звезда взошла в созвездьи Льва!
[Аверьянова, 2011, с. 161].

Сюжеты литературной жизни Ленинграда 1920–1930-х годов

Считая подобную метаморфозу конкретного романтического прототипа, место которого в стихах Аверьяновой занимает обобщенный «лирический герой», намеренным литературным приемом, мы помещаем в Приложении стихотворения, написанные в годы ее увлечения Петровым. При этом мы не исключаем возможности, что источниками вдохновения для их создания могли послужить и другие адресаты поэтических посвящений Аверьяновой.

Всеволод Петров в Русском музее. Июль 1933 г.
Vsevolod Petrov at the Russian Museum. July 1933

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

ЛИДИЯ АВЕРЬЯНОВА – ВСЕВОЛОДУ ПЕТРОВУ

1²²

СОНЕТ-АКРОСТИХ

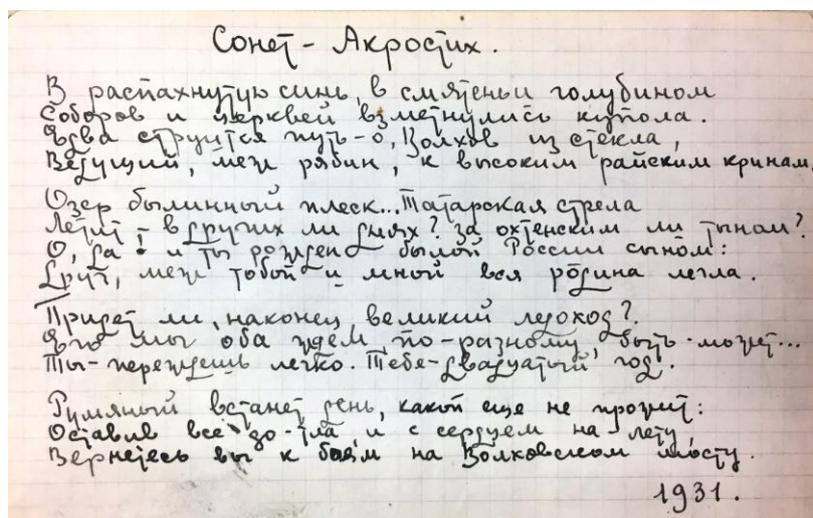
В распахнутую синь, в смятеньи голубином
Соборов и церковей взметнулись купола.
Едва струится путь – о, Волхов из стекла,
Ведущий, меж рябин, к высоким райским кринам.

Озер былинный плеск... Татарская стрела
Летит – в других ли днях? за охтенским ли тыном?
О, да! и ты рожден былой России сыном:
Друг, меж тобой и мной вся родина легла.

Придет ли, наконец, великий ледоход?
Его мы оба ждем, по-разному, быть может...
Ты – переждешь легко. Тебе – двадцатый год.

Румяный встанет день, какой еще не прожит:
Оставив всё – дотла, и с сердцем на лету,
Вернетесь вы к боям на Волховском мосту.

1931

«Сонет-Акrostих». Автограф
Lydia Averianova. "Sonnet-Acrostic". Autograph

²² Hoover Institution Archives (Stanford, CA). Gleb Struve Papers. Box 75. Folder 4. Ср. [Аверьянова, 2011, с. 145].

2²³

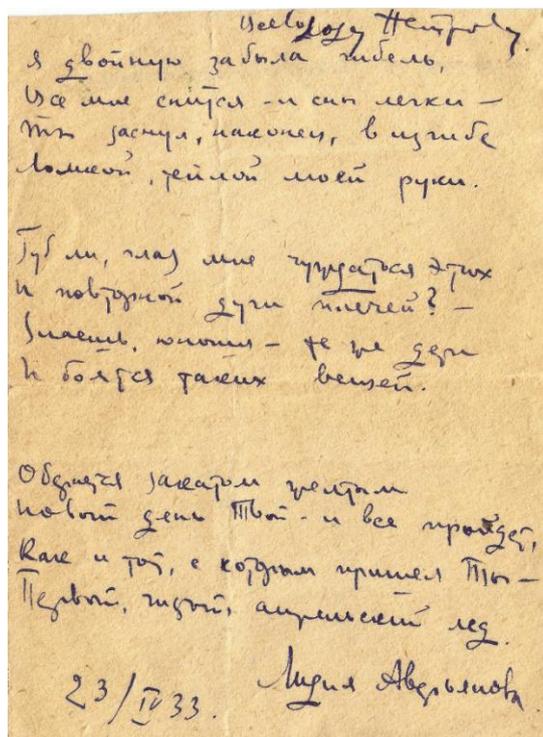
Всеволоду Петрову.

Я двойную забыла гибель,
Всё мне снится – и сны легки –
Ты заснул, наконец, в изгибе
Ломкой, теплой моей руки.

Губ ли, глаз мне чуждаться этих
И повторной дуги плечей? –
Знаешь, юноши – те же дети
И боятся таких вещей.

Обернется закатом желтым
Новый день Твой – и всё пройдет,
Как и тот, с которым пришел Ты –
Первый, чистый, апрельский лед.

23 / IV 33

Всеволоду Петрову.
Я двойную забыла гибель,
Всё мне снится – и сны легки –
Ты заснул, наконец, в изгибе
Ломкой, теплой моей руки.
Губ ли, глаз мне чуждаться этих
И повторной дуги плечей? –
Знаешь, юноши – те же дети
И боятся таких вещей.
Обернется закатом желтым
Новый день Твой – и всё пройдет,
Как и тот, с которым пришел Ты –
Первый, чистый, апрельский лед.
23 / IV 33. Lydia Averianova

«Я двойную забыла гибель...». Автограф
Lydia Averianova. "I forgot the double death...". Autograph

²³ Автограф сохранился в архиве Вс. Петрова – теперь в собрании «Галеев-Галереи».

3²⁴

Всеволоду Петрову.

С ледохода мы неразрывны,
Словно лебеди между льдин, –
Тонкий мальчик мой, пленник дивный –
Взрослой женщины властелин.

Ах, слова не такие шепчут,
Если нежности больше нет.
Ты немного похож на жемчуг,
Только телом моим согрет.

Ветер с губ Твоих сух и жарок,
Темных глаз мне приятна тень.
Получай же меня в подарок,
В двадцать первый Твой лучший день.

26 / IV 33

Всеволоду Петрову.
С ледохода мы неразрывны,
Словно лебеди между льдин, –
Тонкий мальчик мой, пленник дивный –
Взрослой женщины властелин.
Ах, слова не такие шепчут,
Если нежности больше нет.
Ты немного похож на жемчуг,
Только телом моим согрет.
Ветер с губ Твоих сух и жарок,
Темных глаз мне приятна тень.
Получай же меня в подарок,
В двадцать первый Твой лучший
день.
Людмила Аверьянова
26 / IV 33

«С ледохода мы неразрывны...». Автограф
Lydia Averianova. “We are inseparable since the ice drift...”. Autograph

²⁴ Автограф сохранился в архиве Вс. Петрова – теперь в собрании «Галеев-Галереи».

4²⁵

Всеволоду Петрову.

1.

От невских стен отходит кромка льда²⁶,
Меня к Тебе под вечер тихо клонит –
И ничего не надо мне, когда
Твое лицо легло в мои ладони.

Не хочешь ты ни лучших, ни других
И за руки берешь у самой кисти
И Ты крадешь дыханье с губ моих,
Как с чайного куста последний листик.

А я – беднее большинства людей,
Журчит былое в песнях Гамаюна,
Но будущим моим сполна владей –
Проклятый клад, размененный на юность.

*17 / V 33*²⁷.

²⁵ Автограф сохранился в архиве Вс. Петрова – теперь в собрании «Галеев-Галереи».

²⁶ Ср. в стихотворении «Парижская Коммуна» (1927): «И вольный плеск далекой Сены / У нас под невским бьется льдом...» [Аверьянова, 2011, с. 38].

²⁷ См. поэтический ответ Вс. Петрова (23 апреля 1933 г.):

Лидии Аверьяновой

Не римские серебряные реки,
Не каменные кони Ассирии,
Не корабли, не всадники, не песни.

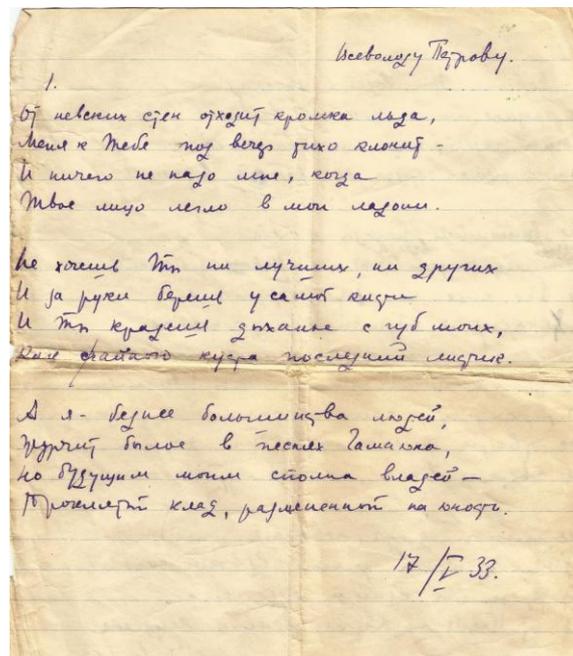
И мне не снится пленная Изиды,
Египетское волхвованье речи,
Священный шум песчаного прилива.

Простая музыка меня тревожит,
Земное время сковывает тело
Глухих обид неодолимым грузом.

И снова пробую свое дыханье,
Свой медленный и приглушенный голос
– «Не корабли, не всадники, не песни...»

И странная ко мне приходит радость,
Я забываю время и обиды,
Я узкое лицо твое целую
[Аверьянова, 2011, с. 362].

В сохранившемся в архиве Петрова варианте этого стихотворения, который датирован «21–23 апреля 1933 года», 3-я и повторяющая ее 12-я строка звучат «Не корабли, не всадники, не флейты» [Петров, 2017, с. 328].

«От невелик стен отходит кромка льда...». Автограф Lydia Averianova. “The edge of ice is moving away...”. Autograph

2.

От Иоанна Ты ведешь рассказ
И, грозное, любви приходит время —
Ночной разбой, пожар легчайших ласк —
И — колокол — сердца прорвутся в темень²⁸.

Не вымолишь пощады у Тебя:
Всей нежностью всегда подменишь жалость²⁹
И всё еще не сыт. Не знала я,
Какому я опричнику досталась.

Боярышник мой дикий, Ты цветешь
У рук, у губ, с моим дыханьем смешан,

²⁸ Ср. в сонете «Иоанн Антонович» (1935) из сборника «Пряничный Солдат. Сонеты»:

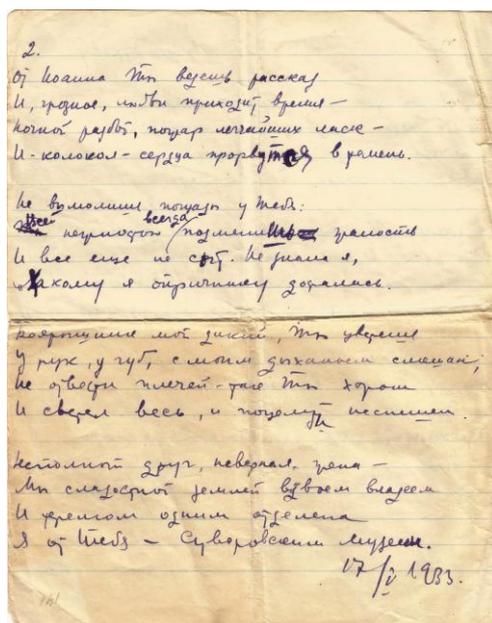
Забытыми в глуши, опальными — что время? —
Расстрелянными — им удел блаженный дан —
Бездомными — их тьмы! — ты грозно правишь всеми,
Прообраз всей Руси — несчастный Иоанн
[Аверьянова, 2011, с. 149].

²⁹ Первоначальный вариант: «Ты нежностью подмениваешь жалость».

Не отвести плечей – так Ты хорош ³⁰
И светел весь, и поцелуй неспешен.

Неполный друг, неверная жена –
Мы сладостной землей вдвоем владеем
И теремом одним отделена
Я от Тебя – Суворовским музеем ³¹.

17 / V 33.

«От Иоанна Ты ведешь рассказ...». Автограф
Lydia Averianova. “You start your story from John...”. Autograph

³⁰ Ср. в стихотворении «Дом Брандта» (1935) из сборника «Серебряная Рака. Стихи о Петербурге»:

И, может быть, легчайший первый лед,
Как первый луч на солнечном восходе, –
Мое плечо тихонько отведет
От Вашего... Мосты уже разводят
[Аверьянова, 2011, с. 123].

³¹ Ср. в стихотворении 1935 г., обращенном к Льву Ракову:

Дворец был Мраморным – и впору
Событью. Он скрывал Тебя.
Судьбой командовал Суворов –
И мы столкнулись – Ты и я
[Аверьянова, 2011, с. 81].

Ср. в очерке Л. Ракова «Роман в стихах» [Там же, с. 204–205].

5³²

АДМИРАЛТЕЙСТВО

Всеволоду Петрову.

1³³.

Маргаритками цветет Империя,
Желтым полем вогнут темный свод³⁴,
Зданье – лебедь с выпуклыми перьями –
Славы первенец, парит, плывет.

Шкуркой, лисьей или горностаевой,
О, распластанное на ветру,
О, двуцветное – крошись, истаивай,
В солнце врезанное ввечеру.

Ты, стройнее гениальной памяти,
Временем чуть выветренный кров,
Пористый ковчег – нельзя, слова не те
Отпечаток предадут петров.

Или, ревностной медузой выскользнув,
В чаще вод – песчаная коса³⁵,
Здесь эпоха повернула циркуль свой,
Век простер лепные паруса...

Что ж, из имени петрова вставшее,
Вдруг стихами легшее в персты,

³² Автограф сохранился в архиве Вс. Петрова – теперь в собрании «Галеев-Галереи».

³³ Ср.: [Аверьянова, 2011, с. 100–101]. См. поэтический ответ Вс. Петрова (18–19 мая 1933 г.):

Лидии Аверьяновой

Ты говоришь – Адмиралтейство, звон,
Колокола, и лебеди на льдинах,
И музыка, блаженная как сон –
– Летейский сон – о вечных райских кринах.

А мне не хватает голоса, и мне
Не вспомнить слов и не найти созвучий.
Беспамятство! И, кажется, тесней
Сжимаются круги, и ропот мучит.

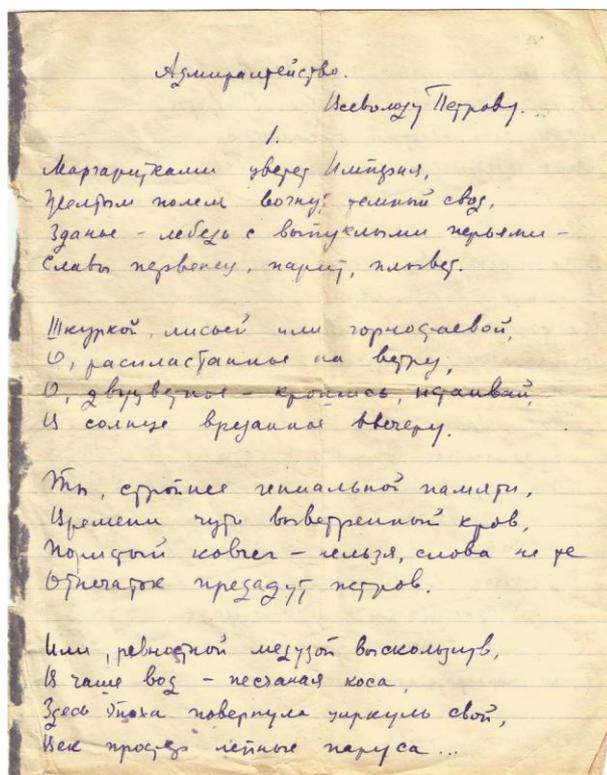
Слова, как дым пастушьего костра,
Расходятся, лишь немоты взыскуя.
Беспамятная, грозная пора!
И нам не счесть ни звезд, ни поцелуев
[Аверьянова, 2011, с. 361–362].

³⁴ Вариант: «Желтым полем нежно выгнут свод».

³⁵ Вариант: «Ты – Неве песчаная коса? –».

Маргариткой отцветай, ромашкою:
Мне гадать еще поможешь Ты.

Май 1933

Первый лист автографа «Адмиралтейства»
Lydia Averianova. The first page of the "Admiralty" poem. Autograph

2.

В ромашках свод, тенист и узок.
Я солнца видеть не могу,
Где здание пористой медузой
Распластано на берегу.
Немецких плотников услада,
Над запыленным гравием крыш,
В зеленых водорослях сада
Ты древним золотом горишь³⁶.

³⁶ Вариант: «Ты рейнским золотом горишь» [Аверьянова, 2011, с. 100].

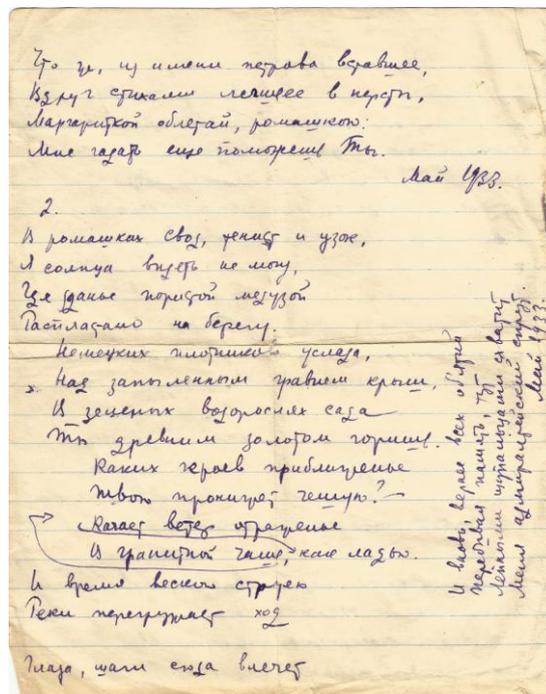
Каких героев приближенье
Твою пронизет чешую? –
В гранитной чаше отраженье
Качает ветер, как ладью.

И время вескою струею
Реки перегружает ход

Глаза, шаги сюда влечет ³⁷:

И вновь вернее всех объятий
Перебивая память, тут
Лепными щупальцами схватит
Меня адмиралтейский спрут.

Май 1933.

Второй лист автографа «Адмиралтейства»
Lydia Averianova. The second page of the “Admiralty” poem. Autograph

³⁷ Вариант этого четверостишия без пропущенной строки:

И время полною струею
Реки отягощает ход...
Обличье ложного покоя
Глаза, шаги сюда влечет...
[Аверьянова, 2011, с. 100].

6³⁸

Когда всё проиграно, даже Твой
Приход подтасован горем, –
Тогда, выступая как слон боевой,
На помощь приходит город.

Он выправит, он – неизбежный друг –
Мне каждый раскроет камень,
Обнимет, за неимением рук,
Невы своей рукавами.

И, в каждом квадрате гранитных риз
Лелея на выезд визу –
Мне можно ослепнуть от снежных брызг –
Эдипу двух равных Сфинксов.

И снова, укачивая и креня,
Под свод Твоего закона
Мой город вслепую ведет меня –
Недвижная Антигона.

1931

7³⁹

Еще не выбелен весной
Наш вечер. Льды не тонут.
Здесь всё воспето было мной,
И только Петр – не тронут.

Меня учила с детства мать,
Тому назад, когда-то,
В молчаньи подолгу стоять
Под аркою Сената.

Да, здесь, где был, сквозь лед, огонь
И воду – век распорот,
Поставлен миру на ладонь
Наш неизбывный город...

1932

³⁸ [Аверьянова, 2011, с. 87].

³⁹ [Там же, с. 108].

8⁴⁰

Отдай обратно мне мои слова.
Зачем Тебе высокий строй и нежность? –
Для нас двоих была тогда Нева
Такой большой, прославленной и снежной.

Со мною дни нещадно сводят счет,
Всё тяжелей в висках биенье крови.
Как дивно мне, что так очерчен рот
И так легки мальчишеские брови.

Когда-нибудь, измучившись сперва,
Когда в борьбе Твои ослабнут силы,
Я с губ Твоих сниму все те слова,
Которых я Тебе не говорила.

1932

9⁴¹

Какое солнце встало, озарив
Твой город, теплый, словно стенки горна:
Кроваво-красным кажется мне шрифт
В разлете книг, хотя он – просто черный.

Смотри, чтоб то, что начато Невой,
Не обернулось Зимнею Канавкой.
Мне лучше быть не женщиной живой,
А так, двухцветной книжною заставкой:

Чтоб покрывался пылью легкий дом,
Не стали дни ни лучше, ни тревожней,
Чтоб наугад, когда-нибудь, потом,
Меня открыл рассеянный художник –

И удивился тихо, про себя,
Что верен штрих и линия не смыта,
Что, вчерчена, стою навеки я
В больших квадратах невского гранита.

1932

Публикация Ильдара Галеева и Андрея Устинова

⁴⁰ [Аверьянова, 2011, с. 109].

⁴¹ [Там же, с. 110].

Список литературы

- Аверьянова Л.* Vox Humana: Собрание стихотворений / Сост. М. Павлова. М.: Водолей, 2011. 416 с.
- Кузмин М.* Дневник 1934 года. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Г. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 416 с.
- Павлова М.* «Поэта хрупкая судьба...» // Аверьянова Л. Vox Humana. Собрание стихотворений / Сост. М. Павлова. М.: Водолей, 2011. С. 217–297.
- Петров Вс.* Из литературного наследия / Под ред. Н. Кавина. М.: Галеев-Галерея, 2017. 384 с.
- Петров Вс.* Турдейская Манон Леско. История одной любви: Повесть; Воспоминания. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 272 с.
- «Философские рассказы» (1939–1946) Всеволода Петрова / Публ. М. Маликовой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 749–806.
- Хранитель. В. М. Глинка: Воспоминания. Архивы. Письма / Авт.-сост. М. Глинка. СПб.: Гос. Эрмитаж; Изд. АРС, 2006. Кн. 2. 414 с.

References

- Averianova L. Vox Humana: Sbranie stikhotvoreniy [Vox Humana. Collected Poems]. Comp. by M. Pavlova. Moscow, Vodoley, 2011, 416 p. (in Russ.)
- Khranitel'. V. M. Glinka: Vospominaniya. Arkhivy. Pis'ma [Curator. V. M. Glinka: Memoirs. Archives. Letters]. Comp. by M. Glinka. St. Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh, ARS Publ., 2006, vol. 2, 414 p. (in Russ.)
- Kuzmin M. Dnevnik 1934 goda [The Diary of 1934]. 2nd ed. Ed. by G. Morev. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2007, 416 p. (in Russ.)
- Pavlova M. "Poeta khрупkaya sud'ba...". In: Averianova L. Vox Humana. Sbranie stikhotvoreniy [Vox Humana. Collected Poems]. Comp. by M. Pavlova. Moscow, Vodoley, 2011, p. 217–297. (in Russ.)
- Petrov Vs. Turdeiskaya Manon Lesko. Istoriya odnoy lyubvi: Povest'; Vospominaniya [Manon Lescaut of Turdei. A History of Love]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2016, 272 p. (in Russ.)
- Petrov Vs. Iz literaturnogo naslediya [From the Literary Heritage]. Ed. by N. Kavin. Moscow, Galeev-Galereya, 2017, 384 p. (in Russ.)
- "Filosofskie rassказы" (1939–1946) Vsevoloda Petrova. Publ. by M. Malikova. In: Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 god [Yearbook of the Department of Manuscripts of the Pushkin House for 2015]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2016, p. 749–806. (in Russ.)

Сведения об авторах

Устинов Андрей Борисович – доктор филологических наук, директор книгоиздательства «Аквилон» (Сан-Франциско, США)
abooks@gmail.com
ORCID 0000-0002-8468-4854

Галеев Ильдар Ибрагимович – независимый исследователь, галерист, издатель, директор «Галеев-Галереи» (Москва, Россия)
ildar.galeyev@mail.ru

Information about the Authors

Andrei B. Ustinov – PhD, Dr. Hab.; Philologist; Director of the “Aquilon” Books & Publishing (San Francisco, USA)
abooks@gmail.com
ORCID 0000-0002-8468-4854

Ildar I. Galeev – a Russian Art History Researcher and Specialist, Publisher, and Owner of “Galeyev-Gallery” (Moscow, Russian Federation)
ildar.galeyev@mail.ru